

Особенности модернизации в регионах России

**Ольга Владимировна
АКСЕНОВА**

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социологии Российской академии наук (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, aksenova@yandex.ru)

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей процессов модернизации в российских регионах. Модернизация рассматривается в связи с глобализацией, то есть с формированием глобальных сетей, высокотехнологических узлов и архаизированной периферии. Показаны основные тенденции модернизации в российских регионах, выявлена роль управления на местном уровне в их формировании. Выявлен ряд особенностей российской модернизации, в частности в местных сообществах обнаружена сложная комбинация охранительной позиции по отношению к инновациям и ориентации на развитие. Особое внимание уделено роли традиционных ценностных ориентацией в процессе принятия решений на местном уровне.

Ключевые слова: модернизация, глобальные сети, местные сообщества, охранительные позиции, ценностные ориентации.

В данной работе представлены некоторые результаты исследования местных сообществ, проводившегося сектором изучения социокультурного развития российских регионов ИС РАН в Нижегородской, Ивановской, Самарской, Свердловской и Тамбовской областях весной—летом 2013 года¹.

Основными методами сбора данных были глубинные интервью с представителями региональной и местной власти, не-

правительственных организаций и с местными жителями, дополненные анализом документов, публикаций в местных и региональных СМИ и в Интернет.

Одной из задач исследования было выявление роли управления на местном уровне в модернизационных процессах. В этой связи в первую очередь необходимо было определить категорию модернизации и критерии, позволяющие обнаружить ее в российских регионах.

¹ Исследование проводилось в рамках проекта «Региональное и местное управление: обратная связь власти и общества», грант РФФИ № 13-06-00314а.

Концептуализация модернизации применительно к условиям нашей страны является одной из самых актуальных тем в современной российской социологии.

Разнообразные интерпретации модернизации объединяет ее трактовка как достижение обществом состояния современности (модерна или постмодерна) во всех сферах его жизнедеятельности посредством технологических, институциональных, структурных, ценностных изменений. Вопрос о том, что можно считать современным обществом, остается дискуссионным. Чаще всего с ним связывают конкуренцию, ценность личности, ее прав и свобод, развитое правовое государство и гражданское общество, политические и экономические свободы [1].

С нашей точки зрения данные качества были присущи капитализму на более ранних этапах его развития. Однако нынешняя ситуация, как представляется, позволяет на данном этапе исследования, абстрагируясь от спорных вопросов, рассматривать модернизацию в несколько ином ракурсе. Модернизация на современном этапе неразрывно связана с глобализацией. Н.П. Тихонова характеризует данную ситуацию следующим образом: «Открытость нового мира и интенсификация различных форм горизонтальных связей поставили крест на анклавных формах развития, которые до последнего времени реализовывала и Россия» [3]. Глобализация не оставляет времени и шансов догонять и перегонять, развиваться путем выращивания институтов демократии и экономической свободы, свойственных временам модерна. Быстро формируются и пересекают национальные границы глобальные потоки, сети и узлы, в которых жизнедеятельность социума выстраивается в соответствии с требованиями монополизированного рынка и высоких технологий [2, 4]. Про-

странство за их пределами теряет какое-либо экономическое и социальное значение, кроме источника ресурсов и рабочей силы.

Формирование модернизационных процессов указанного типа было обнаружено в исследуемых регионах. Необходимо подчеркнуть, что высокотехнологических узлов глобальных сетей в них не появилось. В Нижнем Новгороде, помимо предприятий группы ГАЗ (бывшего Горьковского автозавода), производящих грузовики и автобусы, частично сохранилась и продолжает функционировать и высокотехнологическая промышленность, поскольку в советское время военная радиоэлектроника в городе была достаточно развитой отраслью. В то же время один из центров военного производства — Арзамас находится, по общему признанию, в упадке. Предприятия, которые могли бы стать, по мнению наших респондентов, центрами модернизации, закрываются; разрушается университет, готовивший когда-то высококвалифицированные кадры для военной промышленности.

Тем не менее структурирование провинции по глобалистскому шаблону проявляется уже вполне наглядно. Так, в Иванове ткацкое производство ликвидировано полностью, бывшие заводы превращены в гигантские оптовые склады китайских, турецких, индийских тканей. Возникло множество небольших швейных предприятий, которые из этих тканей производят готовую продукцию и предоставляют рабочие места женской части населения города. Нужно сказать, что малый и средний бизнес есть практически повсеместно, несмотря на серьезные проблемы, отчасти обусловленные высокими налогами и отсутствием государственной поддержки, а также жесточайшей конкуренцией с крупным российским бизнесом. Однако их основные причины связаны также с глобализацией экономики.

Практически невозможно конкурировать с китайским демпингом, если только бизнес не обслуживает его поток (оптовая и розничная торговля китайским ширпотребом, ивановские швейные предприятия, работающие на китайских материалах и т.п.).

Дешевый импорт продуктов, по словам одного из наших респондентов, стал препятствием для развития фермерства, на которое когда-то возлагались большие надежды, особенно в российском Черноземье: *«Основная проблема в том, что завозные продукты много дешевле местных, это урон не только сельхозпроизводителям, но и каждому гражданину, поскольку мы можем оказаться просто без еды, если нам перестанут ее поставлять из-за границы. Мелким фермерским предприятиям невыгодно производить сельхозпродукцию, они уходят в другой бизнес, мало того, что у нас деревни все опустели. У нас отсутствует господдержка в этой сфере, хотя наша область сельскохозяйственная»*. Кроме того, сложно реализовать продукцию малых производителей, по свидетельству члена Общества пчеловодов Тамбовской области, в особенности в сельском хозяйстве, поскольку торговые сети ее не принимают, а торговля на рынках и ярмарках не предоставляет достаточного пространства для развития бизнеса.

Отмечается также экспансия московского капитала, которую некоторые респонденты называют *«внутренней глобализацией»* и оценивают отрицательно: *«Пришлые не знают местных особенностей, регион с его культурой им безразличен»*. Местный бизнес не в состоянии конкурировать с пришельцами.

Главным экономическим субъектом в сельском хозяйстве являются крупные агропромышленные холдинги, которые осваивают опустевшие сельскохозяйствен-

ные территории, строят современные животноводческие комплексы и засевают поля устойчивыми к сорнякам и вредителям зерновыми. Работа на предприятиях холдингов не требует постоянного проживания в селе (рабочих завозят ежедневно на автобусах — своего рода внутренний вахтовый метод). Главной проблемой современной деревни является не алкоголизм, как это принято представлять в СМИ, а миграция трудоспособного населения в города, исчезновение деревни как экономического и социокультурного феномена, ее превращение в дачный поселок в лучшем случае.

Таким образом, средний и малый бизнес, вопреки ожиданиям и надеждам, не стал основой собственного развития. Модернизация осуществляется в рамках глобальных потоков, основана в первую очередь на функционировании крупного монополистического капитала.

В то же время есть малые города, которым удалось сохранить собственное производство: например, продолжает работать ткацкий комбинат в Шуе Ивановской области или трикотажная фабрика в Рассказове Тамбовской области. Наиболее ярким примером можно считать районный центр Павлово на Оке в Нижегородской области. В городе стабильно функционирует автозавод, производящий автобусы малого и среднего класса (ПАЗ); в результате увеличения госзаказа начали активно работать предприятия ВПК.

Но, пожалуй, наиболее ярким примером современной модернизации является поток трудовой миграции, ориентированный строго в направлении глобальных узлов, то есть региональных центров и Москвы. По словам респондентов, едва ли не в каждой семье есть мужчины, работающие вахтовым методом в Москве таксистами, строителями, а чаще охранниками в офисах и торговле.

Именно эта форма занятости позволяет развиваться и местному бизнесу, так как зарплата вахтовиков создает и поддерживает спрос на региональном и местном рынках товаров и услуг.

Наше исследование показало, что главным субъектом данной формы модернизации является федеральная власть. Именно она клонирует модель устройства глобального мира с его сетями, потоками и территориями, которым не повезло в них попасть. Так, строительство новых медицинских центров, оснащенных современным оборудованием, сопровождалось сокращением мест в районных больницах и закрытием ФАПов.

Высокие технологии, развивающиеся в глобальных городах, требуют специфической квалификации, главной составляющей которой является соблюдение технологической дисциплины. Работник должен обладать устойчивым навыком соблюдения правил без размышлений об их природе и назначении, что противоречит российской традиции образования, построенной на объяснении и понимании. Подчеркнем, в современных условиях это касается не только рабочих, занятых в конвейерном производстве, но всех и каждого, включая самих управленцев. Причиной этого является специализация труда и его технологичность, условием результативного функционирования любой системы становится последовательное выполнение строго определенных действий. Именно на формирование технологической дисциплины ориентирована тестовая система проверки знаний и подготовка к ней.

Эта инновация жестко навязывается федеральным центром; учителя и директора школ избегают рассуждений на тему ЕГЭ или отмечают, что он имеет и достоинства, среди которых называют внешнюю оценку деятельности школы, необходимую для развития учебного процесса, рас-

ширившиеся возможности выпускников поступать в самые престижные университеты страны. Тем не менее их реальное отношение к реформе прослеживается по осторожным высказываниям о ее недостатках, а также по ответам студентов, которые открыто говорят, что их не учат думать, выражая, очевидно, позицию семьи и учителей.

Федеральный центр вводит также компьютеризацию учебного процесса, вытесняя из него учителей старшего поколения, которых практически все оценивают как наиболее квалифицированных. Большинство из них не в состоянии сдать экзамен по компьютерной грамотности и не могут продолжать работу. Таким образом устраняется одно из препятствий к становлению системы образования, адекватной требованиям модернизации.

Политика Центра практически однозначна, значительно сложнее определить позиции и роль в этих процессах региональной и районной власти, а также иных субъектов, вовлеченных в принятие решений на местном уровне. Нам удалось выявить две основные группы управленческих установок и основанных на них действий в связи модернизацией.

1. Ориентация на модернизацию. Относительно небольшое число региональных и местных управленцев полностью поддерживают «генеральную линию» федерального правительства. Они обладают той самой технологической дисциплиной и готовностью выполнять распоряжения, которая необходима для осуществления инновационных перемен. Представитель администрации одного из регионов сформулировала очень ярко и четко саму идею современной модели модернизации: *«В районах у нас все нормально. У нас новая система оказания медицинской помощи, с которой население смириться не хочет. С ней могут смириться, если тяжело заболеют и*

потребуется квалифицированная помощь. В основной своей массе им нужно рядом с домом полежать в больнице, а не лечиться. В советское время у нас такая схема работала, но у нас не было таких технологий, какие мы сейчас применяем, кроме кардиохирургии и офтальмологии. Все остальное находилось в примитивном состоянии. Сейчас у нас создали районные центры, оснащенные современным медицинским оборудованием, где работают специалисты и производятся самые современные операции и процедуры. В них мы должны довести человека в зависимости от его заболевания. В случае инсульта или инфаркта мы работаем только по этой системе. Самая длительная доступность два часа езды, а критическое окно у больных инсультом и инфарктом шесть часов».

Отметим, что система фельдшерско-акушерских пунктов и районных больниц не имела целью делать сложные медицинские операции и процедуры. Она обеспечивала жителей удаленных поселков квалифицированной помощью при более простых заболеваниях, предотвращая сложные случаи, при родах, когда и два часа (на самом деле больше, с учетом времени приезда «Скорой») могут оказаться фатальными. Однако такая политика имеет социальную базу, несмотря на отказ населения смириться с нею. Это в первую очередь жители, ориентированные на работу в региональном центре, в Москве и при возможности за рубежом, в любом месте, обеспечивающем более высокий уровень комфорта и потребления. Однако, по словам наших респондентов из разных регионов, число меняющих место жительства не велико. Возможно, это одна из причин того, что установки на модернизацию и безоговорочное выполнение распоряжений встречаются на местном уровне нечасто.

2. *Охранительная стратегия.* Деятельность большинства региональных и местных акторов, в том числе региональных и

районных администраций, ориентирована на сохранение и развитие местного сообщества. Они считают опасными инновации, которые разрушают сообщество (городское и сельское), его ценности, личность человека, какой она формировалась в российской культуре. Наиболее емко данная позиция сформулирована представителем администрации одного из районов: *«Мы смотрим ваш телевизор для того, чтобы знать, что еще задумали, и быть готовыми к этому. Мы внедрим инновации так, что сохраним все свое, и никто об этом не догадается».* В то же время необходимой составляющей стратегии их деятельности является установка на развитие и прогресс. Директор одной из школ выразила общую позицию: *«Я не знаю, может быть, не стоит это записывать. Вечно в процессе развития быть нельзя. Школа должна быть в первую очередь сильна своей традицией, своей основой. Что-то можно добавлять, что-то модернизировать, но основа должна сохраняться. Если будет стабильность, то будет и развитие».* По их мнению, модернизация должна развивать сложившуюся, существующую социальную целостность.

Инновации, привнесенные извне, воспринимаются, если они не противоречат традиционному пониманию развития. Складываются новые формы самоорганизации местных сообществ, поддерживаемые районной администрацией. К примеру, в поселках одного из районов действуют «родительские патрули», главной целью которых является предотвращение наркомании и алкоголизма, втягивания детей и подростков в криминальную деятельность. В некоторых районах создаются новые формы детского летнего отдыха, например детские лагеря при домоуправлениях и жилищных кооперативах.

В районах, несмотря на депрессию девятых и хронический недостаток ресурсов в наши дни, удалось сохранить библиотеки,

музеи, музыкальные и художественные школы, дома культуры. Руководитель департамента культуры одного из районных центров в начале 1990-х гг. смогла убедить главу администрации начать ремонт библиотеки: *«В то время позарез была нужна центральная библиотека. Она находилась в центре города, в двухэтажном особнячке. Требовалось новое помещение, площади были маленькие, перегруз был. Построили. Десять лет у нас эта библиотека лучшая в области, оснащена с иголки»*.

Музыкальные и художественные школы по решению федерального центра объединили в школы искусств, но в некоторых случаях, благодаря акторской активности, они продолжают работать отдельно друг от друга: *«У нас не было помещения для художественной школы. А школа у нас старая, с традициями. Мы не стали объединять музыкальную и художественную школы, потому что каждая из них имеет свое лицо. Настал момент, когда надо было убедить руководство, что нужно новое помещение для художественной школы. И к зданию музыкальной школы сделали пристройку. Основное здание два этажа, а пристройка три этажа. Это в 1990-х было, лет 17 назад. Очень сложно было, хозяйственным способом строилось, но задуманное реализовали»*.

Попытки перестроить традиционную социокультурную основу сообществ вызывают ответные действия, направленные на ее сохранение. Болезненно воспринимаются изменения в оценке Великой Отечественной войны, появившиеся в СМИ и в художественных произведениях. В некоторых районах созданы объединения «детей войны», их участники заняли место ветеранов, которым активная деятельность уже не по силам. Отчасти эти организации становятся своего рода клубами для пожилых людей, но их главная задача — рассказать о войне школьникам, противодействовать навязываемым извне трактовкам

исторических событий. Много внимания уделяется музеям Великой Отечественной или военным экспозициям в краеведческих музеях, регулярно организуются экскурсии для школьников.

Сохранение истории представляет одну из наиболее важных составляющих рассматриваемой стратегии. Ее особенностями является поддержка музеев даже в условиях дефицита бюджетных ресурсов, а также уважительное отношение ко всем, без исключения, историческим периодам. В провинции можно увидеть экспозицию, посвященную командарму Фрунзе, трагедии Антоновского восстания в Тамбовской области, воссозданию экспозиции советской комнаты, пользующейся большой популярностью — горожане приносят старые вещи, приходят, чтобы почувствовать себя в детстве. В Арзамасе любят и продолжают читать Аркадия Гайдара. Районная администрация сохраняет память о писателе, одновременно успешно сотрудничает с православной церковью.

В результате районная, а в некоторых случаях региональная власть создает сеть, главными центрами которой являются школы, библиотеки, музеи и дома культуры. Эта сеть достаточно успешно противостоит разрушительным для культуры регионов модернизационным трансформациям. Так, Министерство культуры предприняло попытку организовать дома культуры по немецкой модели: в Германии они существуют исключительно за счет самоорганизации граждан, которые приходят и занимаются тем, чем хотят. Попытка провалилась — убрать профессионалов, которые ведут занятия в кружках, секциях и театральных студиях, не удалось. Точно так же протест вызвала попытка создать библиотеки, как на Западе, в которые люди приносят книги и берут, какие захотят. Профессиональный библиотекарь и профессиональный работник культуры

не просто выполняют функцию: они организуют культурную жизнь сообщества, причем на достаточно высоком уровне, и поддерживают его в местном сообществе.

Стремление «спасти и сохранить» особенно заметно в стремлении поддержать культурную жизнь угасающего села: *«Культурная политика наша — это ставка на доступность настоящей культуры в селе. Мы придумали целую систему фестивалей на селе, наши все коллективы выступают в селе довольно много. Мало кто понимает, что такое для села приезд таких коллективов. Они говорят: а мы думали, что про нас все забыли. Вот выступал хор имени Рахманинова, многие говорили, зачем такой хор со сложной музыкой в селе, а люди пришли и восприняли очень хорошо, разного возраста люди. Театральные фестивали, духовой музыки, песенные. Этой теме вовлечения людей мы уделяем много внимания и денег, если они появляются. Районы мы снабдили транспортом, чтобы они из района в район ездили со своими выступлениями — фактор, объединяющий народ, регион».*

Федеральный центр в этом случае рассматривается как источник ресурсов. Все перечисленное выше удастся сделать в первую очередь путем подключения к его программам, что требует достаточно напряженной работы. Он (федеральный центр) отчасти враждебен, потому что именно оттуда идут попытки внедрить опасные, разрушительные инновации, о чем прямо говорили наши респонденты: *«Вот эта модернизация — образование гибнет, хотя деньги немереные вкладываются. И все злые, как черти, потому что с людьми никто не хотел говорить... У нас иной раз лучше не сделать, как велят, может, как-то разрешится со временем».* В некоторых случаях партии рассматриваются как такой же ресурс, как и федеральный центр: *«Мы используем поддержку любой партии, но голосуем за «Единую Россию», поскольку только от нее сегодня можно получить реальную, в*

том числе финансовую, помощь». На голоса избирателей обменивается решение насущных для сообщества задач, именно таким образом удалось сохранить ФАПы (там, где удалось) и даже придать некоторым из них функции стационаров.

Необходимо также отметить, что среди акторов, действующих в городском и районном управлении, люди разных возрастных групп, включая тех, кто руководил районом еще в СССР, имеют опыт партийной и советской работы. Их уважают, их считают своего рода ресурсом сообщества, суеверно добавляют «долгих лет жизни» к произнесенному имени. Эти люди в большинстве случаев не являются коммунистами, чаще всего — членами «Единой России». Но, в любом случае, именно они воспроизводят традиционную для СССР социокультурную реальность, в которую при этом включены и ранее чуждые ей элементы, например бизнес и церковь. Степень осознанности этой позиции не имеет значения, равно как и политические ориентации действующих субъектов.

Охранительные действия, согласно данным нашего исследования, в российских регионах встречаются чаще, чем ориентация на модернизацию. Они успешно противостояли деградации российских сообществ в 1990-е годы, не позволив им скатиться к действительно архаическим формам устройства социума. В настоящее время они позволяют противостоять такому же разрушительному воздействию модернизации в ее глобалистской версии. Управление на местном уровне сфокусировано на социальной и культурной сферах, отчасти — на малом бизнесе, включая фермерство.

Это обусловлено, с одной стороны, отсутствием инструментов воздействия на крупный капитал, с другой — значением культуры и образования в той версии развития, которую местное самоуправление поддерживает, воспроизводит и защищает.

Местное управление в данном случае сохраняет особую традицию развития, исторически сложившуюся в России, основанную на ней способ советской индустриализации. Это развитие основано на культуре и на исторической преемственности, на понимании сути процессов, их причин и следствий. Оно не предполагает ликвидации сложившихся в этой культуре ценностей, предельной функционализации любой деятельности, ведущей к упрощению человеческой мысли. Оно также не предполагает упрощенного, институционализированного индивидуализма модерна и постмодерна, который на деле означает атомизацию социума. При этом личность в данной версии развития играет главную роль.

Сама модель «охранительного» управления личностна, явное или скрытое противостояние любым разрушительным тенденциям полностью зависит от наличия активного действующего субъекта. Институты и структуры играют в ней подчиненную роль, они используются в зависимости от поставленных целей, как и политическая ориентация. По словам одного из наших респондентов, занимающего высокий пост в региональной администрации, поставленные задачи должны решаться любой ценой, что подтверждает охранительный и мобилизационный характер управления.

Эта относительная независимость от институтов предоставляет определенную степень автономии по отношению к феде-

ральному центру, возможность продержаться без его поддержки и даже противостоять некоторым его решениям. В результате именно провинция может сохранить возможность альтернативной модернизации.

Данное обозначение условно. Очевидно, что российские локальности не могут осуществить собственный вариант модернизации. Для этого у них нет достаточных ресурсов, а там, где таковые имеются, успешно действуют глобальные субъекты и формируются глобальные потоки. Поэтому речь идет скорее о сохранении потенциала развития, имеющего иные свойства и иной вектор, чем построение нового мира высокотехнологических островов и забытых поселений.

В современной ситуации данный потенциал имеет особую ценность. Во-первых, глобализация не оставляет большинству российского населения шансов быть включенными в высокотехнологическое общество, поскольку число таких узлов ограничено, расположены они большей частью вне российской территории. Потоки узки, создают слишком мало рабочих мест и, как было показано, не привлекают к работе местных жителей. По этой причине главной задачей местного управления по-прежнему остается предотвращение социальной и культурной деградации. Во-вторых, глобальный постмодерн неустойчив, а его безальтернативность сомнительна, следовательно, альтернатива может оказаться востребованной.

Литература

1. Гофман, А.Б. Пять тезисов в защиту модернизации / А.Б. Гофман // Россия реформирующаяся: Ежегодник. – Вып. 11 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 27-35.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / М. Кастельс; под научн. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 606 с.
3. Тихонова, Н.Е. Социокультурная модернизация в России: динамика и перспектива / Н.Е. Тихонова // Россия реформирующаяся: Ежегодник. – Вып. 11 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 62-81.
4. Sassen, S. The global city: introducing a concept // Brown journal of world affairs. – 2005. – № 11 (2). – P. 27-43.

Aksenova O.V.

Specifics of modernization in Russia's regions

Ol'ga Vladimirovna Aksenova – Ph.D. in Sociology, Leading Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, Building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation, akse nova@yandex.ru)

Abstract. The article analyzes the specifics of modernization in the Russian regions. The author studies modernization in connection with globalization, that is, with the formation of global networks, high-tech core and archaic periphery. The article shows the main trends of modernization in the Russian regions, identifies the role of local government in their formation. In addition, it reveals a number of specific features of modernization in Russia; in particular, a complex combination of a protective attitude towards innovation and focus on development in local communities. Besides, the article pays special attention to the role of traditional value orientations in the decision making process at the local level.

Key words: modernization, global networks, local communities, protective attitudes, value orientations.

References

1. Gofman A.B. Pyat' tezisov v zashchitu modernizatsii [Five Theses to Defend Modernization]. *Rossiia reformiruyushchayasya: Ezhegodnik*. [Reforming Russia: Yearbook]. Executive editor M.K. Gorshkov. Moscow: Novyi khronograf, 2012. Vol. 11. Pp. 27-35.
2. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Translated from English; under scientific editorship of O.I. Shkaratan. Moscow: GU-VShE, 2000. 606 p.
3. Tikhonova N.E. Sotsiokul'turnaya modernizatsiya v Rossii: dinamika i perspektiva [Socio-Cultural Modernization in Russia: Dynamics and Prospects]. *Rossiia reformiruyushchayasya: Ezhegodnik* [Reforming Russia: Yearbook]. Executive editor M.K. Gorshkov. Moscow: Novyi khronograf, 2012. Vol. 11. Pp. 62-81.
4. Sassen S. The Global City: Introducing a Concept. *Brown Journal of World Affairs*, 2005, no.11(2), pp. 27-43.